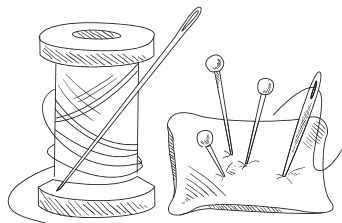

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	
Три тени	5
<i>Глава 1</i>	
Вернувшиеся тени.....	17
<i>Глава 2</i>	
Перекус в уголке	37
<i>Глава 3</i>	
Остров.....	61
<i>Глава 4</i>	
Отель «Луна»	83
<i>Глава 5</i>	
Чо.....	107
<i>Глава 6</i>	
Джем и тень.....	127
<i>Глава 7</i>	
Побег.....	155
<i>Глава 8</i>	
Крепость Зима	181
<i>Глава 9</i>	
Праздник	197
<i>Глава 10</i>	
Лестница.....	217
<i>Глава 11</i>	
Прощание	233
<i>Слова автора</i>	
Теням, которых я люблю	250

Пролог
ТРИ ТЕНИ

Я стояла на краю парапета с закрытыми глазами и глубоко дышала.

Когда я не использую зрение, у меня обостряются другие чувства. Можно уловить ветер, скользящий сквозь пальцы, разбросанные по земле засохшие листья, теплый и влажный воздух. Поздней ночью школа ощущается очень уединенно. Кажется, сейчас самое подходящее время, чтобы умереть.

Я представляю, как падаю. Само падение — лишь момент. Если вдруг спрыгну, то сразу полечу вниз, наберу скорость и ударюсь о землю. Моя голова разобьется, брызнет кровь, и я так и останусь неестественно лежать на холодной земле...

Я вновь открыла глаза и наклонила голову. Внизу сквозь темноту виднелась земля. Я поднялась сюда, чтобы сделать тот же выбор, что когда-то и отец. Казалось, что так я смогу его

немного понять. Но оказавшись здесь, на меня, словно ураган, нахлынул страх.

Все, что у меня осталось от семьи, — родственники, которых я впервые увидела на похоронах папы. Для меня они абсолютно ничем не отличались от случайных незнакомцев, что я встречаю на улице. Наверное, можно сказать, что на самом деле у меня никого и не осталось. Задумавшись об отце, спрыгнувшем с моста в реку Хан, я почувствовала, как дыхание сбилось, будто тону в воде. Что сподвигло его сделать выбор в пользу смерти? Как такое могло произойти? Я полагала, что, стоя здесь, смогу понять отца, но в итоге почувствовала лишь большую обиду на него. Если после смерти я встречу с ним, то задам вопрос: «Почему ты ушел и оставил меня?»

Я достала из кармана свою предсмертную записку и развернула. Ее передадут тем самым родственникам, которых я даже в лицо не знаю. От мыслей об этом мне тут же захотелось выкинуть бумажку. До недавнего момента они даже не были в курсе, что я существую. И воспоминания об их лицемерных сожалеющих взглядах на похоронах все еще вызывают холодок по спине.

Мой взгляд затуманился, а щеки покраснели. Я хотела вытереть слезы, но поймала взглядом тень у себя под ногами. Вдруг я по-иному начала смотреть на ее очертания. Не уверена точно, с каких пор это началось, но вслед за мной всегда следовали три тени. Поначалу я не придавала этому особого значения, однако со временем меня

начали пугать пристальные взгляды незнакомых людей. И еще сильнее после того, как от шокированных моими тенями друзей начали расползаться всякие разные слухи.

С тех пор я не могла не считать взгляды людей подозрительными. Словно взяла в привычку ходить всегда в теньке, но все равно не могла вечно скрываться. Для меня обычным делом стало то, что местные дети иногда приходили к нашему дому, звонили в звонок и убегали, но был и случай, когда к нам наведалься журналист локальной газеты, видимо, прознавший о слухах обо мне. В такие моменты бабушка ругалась и всех прогоняла, либо посыпала ворота солью. А я в это время лишь молча наблюдала через приоткрытую дверь, спрятавшись у себя в комнате в ожидании, пока это закончится.

– Папа, почему у меня не такая тень, как у других людей? – однажды я спросила у отца.

В тот день он крепко обнял меня и ответил:

– У остальных тоже по несколько теней, они лишь притворяются одной. Твои просто более честны, только и всего.

Просто более честны? Я не смогла понять этих слов.

– Я бы хотела, чтобы мои тени тоже выглядели как одна.

На это отец больше ничего не ответил и лишь улыбнулся. Он, наверное, хотел сказать,

что я позже все пойму. Так что я решила самостоятельно добиться того, чего хочу.

Однажды в тишине багрового рассвета я достала бабушкину швейную шкатулку из комода. Это было первый раз со смерти бабушки, когда я взяла ее в руки. На ней собралось так много пыли, словно шкатулка долго хранила какой-то огромный секрет. Я легонько сдула пыль, и сквозь щели из нее просочился золотой блеск.

Скрип. Как только я открыла крышку, потянув за серебряное кольцо, передо мной возник образ бабушки, которая ночью втайне ото всех сшивала что-то, сидя под светом лишь настольной лампы. Она дожидалась, пока я усну, и уже глубокой ночью на цыпочках уходила на кухню и мастерила. Однажды ночью я встала, чтобы сходить в туалет, и услышала бабушкин голос на кухне. Я остановилась и увидела, как, сидя спиной, бабушка что-то сосредоточенно делала. Ловкими и быстрыми движениями рук она сшивала нечто черное и тонкое на столе. Прямо как врач в зеленом халате, проводящий операцию со скальпелем в руках.

Тогда я решила, что мне все приснилось. Но сейчас, когда открыла эту шкатулку с иглами, я поняла, что это была не фантазия, а реальность. Внутри были аккуратно сложены светящийся белым моток ниток, игольница с серебряными иглами, черный наперсток, сделанный из плотной кожи, и другие вещи.

Сперва я осторожно достала моток и самую тонкую иглу, а затем заправила нить в ушко. Нить сразу же стала прозрачной, будто испарилась, но вскоре засияла золотым светом. Тогда я осторожно собрала три тени в одну и, как это раньше делала бабушка, проткнула их иглой с краю. Тени, словно испытывшие боль, съежились и вздрогнули. Я тоже неосознанно зажмурила глаза, но сжала тени в руке и продолжила шов за швом бережно сшивать их между собой.

Однако этого не хватало надолго — по прошествии одного-двух месяцев швы расходились, и теней снова становилось три. В такие моменты, как бы мне это ни надоедало, приходилось сшивать их заново.

– Это просто невыносимо! – Я вдруг выпалила то, что держала в себе долгое время.

Я прожила лишь 15 лет... Сколько же еще придется так жить? Прошло уже какое-то время с тех пор, как кончились все нитки из шкатулки. Я была в отчаянии от того, что больше не смогу исправлять свои тени.

Когда я вздохнула и опустила взгляд вниз, на глаза попала одна из теней. Она, словно тиски, крепко держалась двумя руками за мои лодыжки. Так, будто молила меня о спасении, не хотела умирать. Я перепугалась и огляделась вокруг. Увидев в клумбе красный кирпич, я подошла и взяла его в руки. Затем острым ребром

блока одним ударом провела черту между собой и тенью, державшей меня за ногу.

– Отстань! Мерзкая ты тень! – Кажется, в тот момент выплеска гнева, внезапного даже для меня, наружу вырвалась вся моя злоба и неприязнь.

На тени проявилась белая линия, она медленно отпустила мои ноги и, словно по воде, уплыла по верху крыши. Как будто ее и не было.

Это было так просто? Даже после того, как тень исчезла, я не могла оторвать взгляд от пола. Я ощутила себя так, словно все время, ушедшее на попытки сделать тень нормальной, было потрачено зря. Когда я сшивала их, мне все равно было тяжело, но, избавившись от одной, стало очень легко. Почему я так маялась с этим? Меня вдруг замучило самоугрызение, что я не сделала это раньше.

Настало время двух оставшихся теней! Одна из них тогда протянула руку, словно хотела от меня сбежать. Я снова подняла кирпич и провела черту ровно там, где тень примыкала к моей ноге. Сразу же она, не оборачиваясь, уплыла по крыше и скрылась в темноту.

Теперь последняя! Единственная тень, которую я всегда так хотела. Смогу ли я наконец-то жить обычной жизнью, как все остальные люди? Но если я умру — это конец.

— Ну, хотя бы тебя надо оставить в живых.

Я хотела отпустить тень перед смертью. Ей незачем умирать вместе со мной. Я без какого-либо колебания высоко подняла кирпич, чтобы освободить оставшуюся тень.

– Что ты делаешь?

Внезапно раздавшийся позади мужской голос напугал меня, и я уронила кирпич. Бум. Он с тяжелым звуком упал прямо в цветы, и в тот же момент я сама потеряла равновесие и зашаталась.

– Осторожно! – снова прозвучал низкий голос.

Тогда я развернулась и начала осматриваться по сторонам. У железной двери на крышу стоял кто-то в форме моей школы, но я точно видела его впервые.

– Спускайся.

Этот человек начал медленно подходить ко мне. Кто же он? Я продолжала напряженно смотреть в его сторону. Но сколько бы ни прищуривалась и ни вглядывалась, не могла рассмотреть его лица. Мое сердце начало биться сильнее, застучало так, словно кто-то отбивал мяч по полу. Постепенно очертания школьной формы приобрели более конкретный силуэт, и я увидела желтую нашивку, означавшую то, что мы одноклассники. На ней ясным почерком было написано: «Шин Хэу».

– Шин Хэу?

– Ага. Это мое имя. А ты ведь Ёри? Квон Ёри.

– Это не должно тебя волновать. Пожалуйста, просто уйди!

Неизвестный человек врывается в мою жизнь в такой судьбоносный момент. В тот миг я подумала, что никогда не смогу простить того, кто помешал моему важнейшему решению, кем бы он ни был.

– Я тебя знаю. Ты часто приходишь на крышу.

– Знаешь меня? – Я даже представить не могла, что кто-то видел, как я сюда поднимаюсь.

– Сам иногда сюда прихожу. – Хэу застыл ненадолго, как будто пытался набрать воздуха, а затем продолжил: – Когда хочу умереть.

Эти слова, словно камень, брошенный в спокойную воду, вызвали у меня в сердце беспокойство. Он просто сказал: «Когда хочу умереть», но я внезапно почувствовала себя ближе к нему. Я посмотрела Хэу прямо в глаза, но ничего не почувствовала. У него что-то случилось? На самом деле, меня распирало от любопытства, но я прикинулась равнодушной и спокойно спросила:

– Почему ты хочешь умереть?

И тогда, словно отбив мячик для пинг-понга, Хэу задал мне встречный вопрос:

– А ты? Что тебя настолько тяготит?

Что тяготит? В горле встал ком. До нынешнего момента никто меня о подобном не спрашивал... В ту секунду мне вспомнился один человек. Папа. Однако, как бы я ни пыталась произнести это слово сквозь сжатые губы, не получалось издать звук.

Повисла короткая пауза, и внезапно Хэу спросил:

– Хочешь поесть токпокки?*

– Что?

* Популярное корейское уличное блюдо, клецки из клейкого риса или рисовой муки, приготовленные в пикантном соусе.